

АННА
ИЗМАЙЛОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

VORONCOV

7

VORONCOV

7

VORONCOV

7

18+

Спорим,
ТЫ ВСЁ ЕЩЁ
ЛЮБИШЬ?

Анна Измайлова

Спорим, ты всё ещё любишь?

«Автор»

2026

Измайлова А.

Спорим, ты всё ещё любишь? / А. Измайлова — «Автор», 2026

Когда-то Артём Воронцов был моей самой большой проблемой. А потом исчез из моей жизни. Прошли годы. И всё было нормально. До одного вечера, после которого всё снова полетело к чёрту.

© Измайлова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	32
Гл	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Анна Измайлова

Спорим, ты всё еще любишь?

Глава 1

Я поняла, что он останется, еще до того, как Артем сказал это вслух. Наверное, любовь вообще странная штука.

Сначала она учит тебя различать человека по шагам за дверью, по звуку ключей в замке, по тому, как он ставит кружку на стол.

А потом по паузам, взгляду, который длится на секунду дольше. По тому, как он улыбается и держит твою руку крепко, но будто уже заранее готовится отпустить.

Я стояла у окна маленькой съемной квартиры недалеко от аэропорта и смотрела на мокрую от дождя трассу. Машины ползли в сером свете фонарей, самолеты где-то за стеклом уходили в черное небо, а за моей спиной Артем молчал.

И я уже знала, он скажет. Сейчас скажет.

И после этого у нас больше не получится делать вид, что все можно решить одним поцелуем.

— Вер.

Голос у него стал другим. Я бы узнала его даже через шум посадки, даже через океан. Но в нем появилось что-то новое. Будто Канада не просто забрала его на сезон, а обточила края, сделала жестче, тяжелее, недоступнее.

Я обернулась. Артем стоял посреди комнаты.

В темном свитере, джинсах, с дорожной сумкой у ног. Волосы чуть длиннее, чем раньше, влажные после дождя, лицо усталое после перелета, под глазами тени.

Мы не жили вместе уже почти год, разговаривали через экран.

Любили друг друга через часовые пояса.

Ссорились сообщениями.

Мирились голосовыми, где он хрипло говорил: «Ланская, не молчи», а я смотрела в потолок и притворялась, что у меня просто усталость, а не сердце выворачивает наизнанку.

И все еще хотела подойти, положить ладонь туда, где мышца обычно каменела, и сказать: «Идиот».

Но не подошла.

Потому что между нами было слишком много километров, чтобы делать вид, будто один шаг что-то исправит.

— Говори, — сказала я.

Он криво усмехнулся.

— Ты даже не спросишь, о чем?

— Я знаю.

Улыбка исчезла.

Вот так.

Просто стерлась.

— Вера...

— Тебе предложили остаться.

Он смотрел на меня. Молчал. И я вдруг почувствовала, как внутри что-то падает.

— Да, — сказал он.

Я кивнула.

— Надолго? — спросила я.

Он провел рукой по волосам. Раньше я бы улыбнулась. Он всегда так делал, когда не знал, как сказать.

Теперь улыбаться не хотелось.

— Контракт на сезон. Плюс программа восстановления. Плюс шанс закрепиться в составе, если плечо выдержит и я покажу нормальную статистику.

— То есть не просто остаться.

— Нет.

— Начать там жизнь.

Он закрыл глаза на секунду и этого было достаточно.

— Вер, это шанс.

Я посмотрела на него.

Слова были правильными, но я ненавидела правильные слова.

Они всегда приходят туда, где хочется кричать, плакать, быть несправедливой и сказать: «Выбери меня».

Но вместо этого ты стоишь в съемной квартире с чемоданом у двери и понимаешь, что человек перед тобой мечтал об этом с детства. Его плечо ломали, собирали, лечили, он уезжал не просто так. Каждая тренировка, выход на лед, операция, запрет врача, болезненный круг реабилитации вел его сюда.

К этому контракту, новой жизни.

К этому «шансу».

— Я знаю, — сказала я.

Он дернулся.

— Ты знаешь, — повторил он.

— Да.

— И все?

Я усмехнулась.

— А что ты хочешь услышать?

Он не ответил, видимо хотел, чтобы я попросила.

Не прямо, может быть, словами «останься».

А как-нибудь иначе.

Через слезы, злость и «а как же мы?». Через что-то, что дало бы ему право мучиться открыто, а не стоять здесь с лицом мужчины, которому надо принять взрослое решение и не сломать при этом женщину, которую он любит.

Я могла бы попросить. Очень легко.

Потому что он все еще был моим Артемом. Даже с этой новой жесткостью, с канадским холодом в плечах, с английскими сообщениями в телефоне, с расписанием тренировок, в котором для меня оставались обрывки ночей.

Он все еще смотрел на меня так, будто я могла разрушить ему жизнь одним «не уезжай».

И именно поэтому я не сказала.

— Я не буду просить тебя отказаться, — произнесла я.

Он выдохнул, рвано. Почти зло.

— Я знаю.

— Тогда зачем смотришь так, будто ждешь?

— Потому что я, видимо, хуже тебя.

— В чем?

— В благородстве.

Я тихо рассмеялась. Если бы он знал, как сильно я сейчас хотела быть неблагородной.

Броситься к нему, вцепиться в свитер, сказать, что ненавижу хоккей, Канаду, его агента, все аэропорты мира и эту дурацкую взрослую жизнь, где любовь почему-то не отменяет визы, контракты и амбиции.

Но я только стояла с ровной спиной, в темных брюках, белой рубашке и пальто, которое купила на свою первую серьезную зарплату в лаборатории.

Не в его худи, растянутом свитере или в коричневом халате, который пережил слишком много для предмета одежды.

Я тоже стала другой.

— Я не благородная, — сказала я. — Просто понимаю, что если попрошу тебя остаться, однажды ты меня возненавидишь.

Он резко поднял глаза.

— Никогда.

— Не говори так.

— Почему?

— Потому что ты сам не знаешь.

— Я знаю.

— Нет, Артем. Не знаешь.

Я впервые за вечер шагнула к нему.

Он тут же напрягся, будто мое приближение было опаснее всех силовых приемов на льду.

— Сейчас ты думаешь, что любовь все выдержит, — сказала я. — Что если надо, ты останешься. Или я поеду. Или мы как-нибудь справимся. Но потом будут дни. Месяцы. Ты будешь смотреть матчи своей команды по ночам, читать новости, видеть, как кто-то другой занимает твое место. И каждый раз рядом буду я.

— Я не стал бы...

— Стал бы. Не сразу. Не специально. Может, даже молча. Но стал бы. И я бы видела каждый день как твоя мечта гниет рядом со мной.

Он отвернулся, сжал челюсть.

Я знала этот профиль, линию скулы, маленький шрам у виска, который появился после одной особо глупой тренировки, его губы и то, как они целуют утром, шепчут «любимая» в больничной палате. Знала слишком много, чтобы легко отпустить.

— А ты? — спросил он глухо.

— Что я?

— Ты не возненавидишь меня, если я останусь там?

— Я могу, — сказала я.

Он повернулся ко мне, в глазах боль.

— За что?

— За звонки в три ночи, постоянное ожидание. За то, что твоя жизнь там, а моя здесь. За то, что я начну считать дни до твоего приезда и ненавижу себя за это и буду жить не своей жизнью, а промежутками между твоими перелетами.

— Я не прошу тебя ждать.

Фраза вышла быстро.

— Вот именно.

Он замер.

— Вера.

— Нет. Все правильно. Ты не просишь и не должен. Потому что попросить, значит взять на себя ответственность за мои годы. А ты не можешь и я не могу взять ответственность за твои.

— Мы могли бы попробовать.

— Мы уже пробовали.

Молчание. Оно вспыхнуло между нами всеми пропущенными звонками. Сообщениями «ты спишь?». Его «после тренировки наберу» и мои «ничего, я понимаю». Моими утрами, когда он только ложился. Его ночами, когда я уже не могла держать глаза открытыми. Разговорами, которые начинались нежно, а заканчивались усталостью.

Фразами:

«Ты где?»

«С ребятами».

«Почему не сказал?»

«Я думал, ты спишь».

«Я не спала».

«Вер...»

«Не надо».

Мы правда пробовали.

И, наверное, первое время даже получалось.

Он присылал мне фото из раздевалки, где его шкафчик был аккуратно подписан латиницей: **VORONCOV**.

Я смеялась и писала, что это звучит как фамилия злодея из боевика.

Он отвечал: «**Твой злодей скучает**».

Я отправляла ему фото лаборатории, своего рабочего стола, чашки кофе.

Он писал: «**Скучаю по твоим угрозам**».

Потом фото стали реже, не потому что любовь закончилась, просто жизнь стала рутинной.

У него тренировки, поездки, медосмотры, английский, команда, агент, физиотерапевт, новое тело после травмы, новый лед.

У меня работа, аспирантура, проект, конференции, профессор Беляев, который однажды сказал:

— Ланская, любовь на расстоянии - это не научная дисциплина. Прекратите пытаться оптимизировать страдание.

Я тогда чуть не расплакалась прямо в лаборатории.

— Я не хочу, чтобы мы превратились в людей, которые любят друг друга и мучают, — сказала я.

Артем смотрел на меня долго.

— А что, по-твоему, мы делаем сейчас?

— Сейчас мы пытаемся не уничтожить друг друга окончательно.

Он усмехнулся, новый Артем смеялся реже.

— Я могу просить тебя поехать со мной? — спросил он.

Голос стал тихим.

— Можешь.

Он смотрел, ждал, я почти физически почувствовала, как это слово стоит между нами.

Поехали.

Просто слово, семь букв и другая жизнь.

Канада, его квартира, тренировки, расписание. Его мир.

Я могла бы собрать вещи, перевестись, искать программы, стажировки, лаборатории, работу, визы. Начать заново. Быть смелой. Стать той женщиной, которая выбирает любовь.

Но внутри что-то сопротивлялось.

Та самая Вера Ланская, которая слишком долго боялась быть удобной, потом научилась быть желанной, а теперь наконец начала становиться собой.

У меня была работа. Исследования. Научный руководитель, который впервые доверил мне часть большого проекта. Конференция через два месяца. Статья, где мое имя будет не в благодарностях, а среди авторов.

Жизнь, может быть не такая яркая, как его лед под прожекторами.

Но моя.

— А имеешь право? — спросила я.

Артем побледнел.

— Жестоко.

— Да.

— Я не хотел...

— Знаю.

— Я бы не просил тебя бросить все.

— Но жизнь там была бы твоей, я бы пыталась в нее встроиться.

Он сжал пальцы.

— Можно построить новую. Вместе.

— Можно. Но не сейчас. Не так. Не когда ты только получил шанс, а я только перестала быть девочкой, которая ждет у экрана.

Он сделал шаг ко мне.

— Ты не была просто девочкой у экрана.

— Была. И мне не понравилось.

Он остановился так резко, будто я ударила.

— Я думал, мы выдержим, — сказал он.

У меня дрогнули губы.

— Я тоже.

— Значит, плохо спорили.

— Значит, плохо старались.

Он тихо рассмеялся и в этом смехе было столько боли, что мне захотелось подойти и закрыть его рот поцелуем.

Как раньше.

Когда мы не умели нормально злиться друг на друга.

Когда ссора почти всегда упиралась в его дыхание у моих губ и мое дурацкое сердце, которое забывало, что вообще-то должно биться.

Но сейчас я не подошла.

— У тебя рейс через три часа, — сказала я.

Он посмотрел на часы.

— Да.

— Тебе надо ехать.

— Вера.

— Нет.

Я подошла к креслу, где лежала моя сумка, достала худи. Темно-синее, старое.

Его.

То самое.

Я хранила его слишком аккуратно для вещи, которую носила до дыр. Оно уже давно стало мягче, рукава чуть вытянулись, на манжете было маленькое пятно, которое не отстиралось. Я спала в нем первые месяцы после его отъезда.

Потом перестала, не потому что стало легче. Потому что однажды проснулась, уткнувшись лицом в ткань, и поняла, что пытаюсь дышать человеком, которого нет рядом.

Это было унижительно и очень больно.

Артем увидел худи, лицо изменилось мгновенно.

— Нет.

Я сжала ткань.

— Да.

— Не надо.

— Надо.

— Вера.

Он сказал мое имя так, что у меня внутри все сорвалось вниз, но я протянула худи.

— Забери.

Он не взял.

— Не хочу.

— Артем.

— Оставь.

— Я не смогу.

— Сможешь.

— Нет. Я не смогу жить с ним в шкафу и делать вид, что просто жду.

Он смотрел на худи так, будто я протягивала ему не одежду, а приговор.

— Я не прошу тебя ждать, — повторил он.

Я кивнула.

— Вот именно.

Он взял худи, наши пальцы соприкоснулись.

Всего на секунду, но мне показалось, что кожа запомнит это касание на годы.

Артем прижал худи к себе.

— Ты так легко это делаешь, — сказал он.

Я подняла глаза.

— Что?

— Отпускаешь.

— Легко?

Он молчал.

— Ты правда думаешь, мне легко? — спросила я. — Я почти год училась не смотреть на телефон каждые пять минут. Почти год засыпала с мыслью, что у тебя сейчас день, тренировка, люди, которые знают тебя настоящего сегодня, а не по старым воспоминаниям. Почти год убеждала себя, что я взрослая, нормальная, не разваливаюсь, не считаю часы до твоего звонка. И теперь ты стоишь здесь и говоришь, что мне легко?

Он сделал шаг.

— Вер...

— Нет. Не трогай меня.

— Я отпускаю не потому, что не люблю, — сказала я. — А потому что люблю слишком сильно, чтобы однажды возненавидеть тебя за твою мечту.

Глаза зашипало, я моргнула.

Один раз. Второй. Бесполезно, слезы все равно сорвались.

Артем смотрел на меня, но не подошел.

— Я люблю тебя, — сказал он.

Я закрыла глаза.

— Не надо.

— Надо. Я не могу уйти и не сказать.

— Это ничего не меняет.

— Знаю.

— Тогда зачем?

— Потому что это единственное, что у меня сейчас есть.

Я закрыла лицо рукой.

Господи.

Как же больно.

Вся эта сцена была неправильной. В романтических фильмах в такие моменты кто-то должен был бежать за кем-то, отменять рейсы, выбирать любовь, клясться, что все выдержит.

Но мы стояли в съемной квартире возле аэропорта.

Он с контрактом в Канаде. Я с жизнью в России.

И оба слишком хорошо понимали цену красивых решений.

— Я тоже тебя люблю, — сказала я.

Он выдохнул.

— Тогда почему это звучит как прощание?

Я посмотрела на него.

— Потому что оно и есть.

Он отвернулся, провел рукой по лицу.

— Я не хочу, — сказал он глухо.

— Я тоже.

— Скажи мне не лететь.

Он повернулся, глаза красные, злые.

— Скажи, Вера. Один раз. Скажи, и я останусь.

Я смотрела на него и видела все наши жизни сразу.

Одну — где он остается.

Первые недели мы счастливы. Безумно. Слишком. Он снова на нашей кухне, снова без футболки, снова ворчит на врача, целует меня утром.

Потом начинаются новости из Канады. Звонки агента. Матчи, которые он смотрит молча. Его улыбка становится натянутой. Мои извинения - чаще.

И однажды мы сидим напротив друг друга и понимаем: любовь не исчезла, но под ней столько невысказанной обиды, что дышать невозможно.

Другую жизнь где я еду с ним.

Пытаюсь найти себя в чужой стране, среди его расписания, его команды, его побед и поражений. Сначала горжусь. Потом теряюсь. Потом начинаю злиться на себя за то, что стала спутником, хотя обещала себе никогда такого не делать.

И третью. Эту. Самую больную. Где мы отпускаем.

Я подошла к нему близко, подняла руку и коснулась его щеки.

Он закрыл глаза сразу, как будто ждал этого касания весь вечер.

— Лети, — сказала я.

Его лицо исказилось.

— Вера.

— Лети, Артем.

— Не проси меня об этом.

— А ты не проси меня ждать.

Он открыл глаза и в них было столько боли, что я поняла: это момент, который будет сниться мне потом.

Годами, наверное. Если жизнь окажется особенно жестокой.

— Я не прошу, — сказал он.

— Я знаю.

Он наклонился, остановился у моих губ. Я могла сказать «нет», должна была. Но это был наш последний поцелуй и я не смогла быть настолько сильной.

Я сама поднялась на носки, коснулась его губ.

Сначала осторожно, почти спокойно, потом он выдохнул мне в рот, и все спокойствие сгорело. Он поцеловал меня так, будто хотел запомнить. Руки у него легли мне на спину, но не прижали сразу. Дали возможность отступить. Я не отступила. Сама вцепилась в его свитер. Сама потянулась ближе. Сама на секунду позволила себе забыть, что через три часа он улетит.

В этом поцелуе не было будущего, только все прошлое сразу.

Пельмени, полуголый сосед, одна кровать и гроза.

Раздевалка, больница.

«Скажи еще раз».

«Я люблю тебя».

И вот теперь - прощай.

Я первая оторвалась. Он прижался лбом к моему лбу. Дышал тяжело.

— Я вернусь, — сказал он.

— Не обещай.

— Почему?

— Потому что если не сможешь, я буду ненавидеть тебя.

— Тогда я скажу иначе.

— Как?

— Я не забуду.

— Я тоже.

В аэропорт мы ехали молча.

Такси пахло влажной тканью и дешевым ароматизатором. Водитель слушал какую-то старую песню вполголоса, дворники скребли по стеклу, город размазывался огнями.

Артем сидел рядом, но не держал меня за руку.

Я тоже не искала его пальцы. Между нами лежало его худи.

Темно-синее, сложенное слишком аккуратно.

Я отвернулась к окну, пыталась запомнить дорогу.

Зачем - не знаю.

Наверное, мозг в моменты катастрофы цепляется за детали, чтобы не сойти с ума.

Заправка. Светофор. Женщина с красным зонтом. Рекламный щит. Его отражение в стекле.

В аэропорту было слишком светло, много людей и чужих прощаний, которые выглядели легче нашего.

Кто-то обнимался, смеялся, поправлял чемоданы, покупал кофе.

Жизнь продолжалась.

Бессовестная.

Артем зарегистрировался настолько быстро, будто все вокруг хотело поскорее довести нас до последней черты.

Мы остановились перед зоной контроля, дальше мне было нельзя.

Он взял сумку на плечо, в другой руке держал худи.

— Оставь себе, — вдруг сказал он.

Я покачала головой.

— Нет.

— Вера.

— Нет.

Он сжал ткань.

— Ладно.

Пауза, я видела, как он ищет слова. И впервые за долгое время Артем Воронцов не находил ни одной шутки.

— Ты будешь писать? — спросил он.

Я посмотрела на него.

— Не знаю.

Он кивнул.

— Я буду.

— Артем.

— Не каждый день, чтобы держать. Просто... иногда. Чтобы ты знала, что я жив.

— Я и так буду знать. Новости же существуют.

Он попытался улыбнуться.

— Значит, чтобы я знал, что ты тоже.

Я сглотнула.

— Хорошо.

Объявили его рейс, не финальную посадку еще, но уже достаточно, чтобы время сжалось до нескольких минут.

Он шагнул ко мне.

— Можно?

Я кивнула, он обнял меня.

Осторожно сначала, потом крепче и я вдруг поняла, что это последнее объятие без даты следующего.

Просто последнее.

Я уткнулась лицом ему в грудь. Пахло им, дождем, аэропортом, чужой страной, которая уже забирала его обратно.

— Я не умею отпускать тебя красиво, — сказал он мне в волосы.

— И не надо.

— Что тогда?

— Просто отпусти.

Он обнял меня еще крепче.

На секунду.

На одну плохую, слабую, человеческую секунду, а потом отпустил.

Я сразу почувствовала холод. Такой сильный, будто из меня вынули не человека, а стену, которая защищала от ветра.

— Вера.

— Иди.

— Посмотри на меня.

Я посмотрела, он коснулся моей щеки. Большим пальцем стер слезу, которую я даже не почувствовала.

— Ты будешь счастливой, — сказал он.

Я усмехнулась.

— Это приказ?

— Просьба.

Я хотела сказать ему то же самое.

Будь счастлив, но не смогла.

Потому что часть меня - маленькая, слабая, жадная, не хотела, чтобы он был счастлив без меня.

Мне было стыдно, но это тоже была правда.

— Лети, — сказала я вместо этого.

Он кивнул, развернулся, сделал несколько шагов.

Остановился, я уже знала, что он обернется.

Он обернулся. В руке мое бывшее худи. На лице - вся моя любовь и его боль.

Он не сказал ничего, только приложил ладонь к груди, туда, где сердце.

Я подняла руку и помахала. Попрощалась.

Он смотрел еще секунду, потом ушел за контроль. Я стояла, пока он не исчез, потом еще немного. Потому что тело не сразу поняло, что можно двигаться.

Телефон завибрировал, сообщение от него. Успел написать, наверное, уже из очереди.

Артем: *Я люблю тебя.*

Я смотрела на экран, пальцы дрожали.

Я набрала:

Я тоже.

Стерла.

Набрала:

Береги плечо.

Стерла.

Набрала:

Не забывай есть.

Стерла.

В итоге просто закрыла телефон, потому что любое сообщение было бы ниткой, а мы только что из последних сил разрезали канат.

Я вышла из аэропорта одна, дождь почти закончился. Воздух был холодный, мокрый, прозрачный, в руках у меня ничего не было.

Ни его худи, ни будущего, в которое я так упрямо верила весь этот год.

Только телефон в кармане, чемодан с моими вещами.

И любовь, которую нельзя было ни вернуть, ни выбросить, ни аккуратно сложить в чемодан.

Я заказала такси, села на заднее сиденье.

Водитель спросил:

— Куда едем?

Я открыла рот и вдруг поняла, что не знаю.

Домой? В общежитие мы уже не жили. В квартиру, которую снимала одна? В лабораторию, где завтра нужно было делать вид, что мир не закончился? К Лере?

Я посмотрела в окно на взлетную полосу где-то вдали.

В небо поднимался самолет.

Может, его. Может, нет.

Неважно.

— В город, — сказала я.

Водитель кивнул и тронулся.

А я прижала пустые руки к коленям и впервые за долгое время позволила себе заплакать.

Глава 2

Три года спустя

Я больше не покупала шоколад с фундуком.

Теперь я клала в корзину протеиновые батончики, анализируя их состав, контейнер с греческим йогуртом и пачку кофе без сахара, смотрела на прикассовую зону где демонстративно стоял стенд с плитками того самого шоколада и все себя убеждала:

Это просто шоколад, Вера.

Не память или привычка и не способ на две секунды вернуться в кухню, где мокрый после душа мужчина целовал меня в шею и мешал резать помидоры.

Просто шоколад с фундуком, который я ненавидела.

— Вера Андреевна, вам кофе? — спросила ассистентка, заглянув в мой кабинет.

Я подняла глаза от презентации. На экране висел слайд:

«Биомаркеры воспалительного ответа при восстановлении спортсменов после травм плечевого сустава»

Сухо. Профессионально.

— Без сахара, — сказала я автоматически.

— Как всегда.

— И без сиропа.

— Как всегда, — повторила Катя и улыбнулась.

Я посмотрела на нее поверх очков.

— Ты слишком довольна, учитывая, что нам пришлось вчера проработать допоздна.

— Просто вы сегодня нервничаете.

— Я не нервничаю.

— Вы уже третий раз поправляете один и тот же график, на экране проектора видно.

Я посмотрела на график, действительно.

Ось X была идеально выровнена.

Катя скрылась за дверью до того, как я успела сказать что-нибудь в ответ. Я откинулась на спинку кресла и потерла переносицу.

Мне было двадцать шесть. Через два месяца должно было исполниться двадцать семь. И если бы кто-то показал мне нынешнюю себя четыре года назад, я бы не поверила.

Вера Ланская.

Уже не студентка с вечно собранными в пучок волосами, огромным свитером и справочником по биохимии как оружием массового поражения, не девочка, которая краснела от мужского взгляда и пыталась объяснить себе желание через физиологические реакции.

Теперь у меня был свой кабинет. Небольшой, но с дверью, на которой висела табличка:

В. А. Ланская. Координатор исследовательской группы

У меня были публикации, доклады, команда.

У меня были строгие костюмы, дорогие простые свитера, туфли, в которых я могла пройти по конференц-залу так, что больше никто не думал обо мне как о «милой заучке».

Теперь чаще думали:

«Она знает, о чем говорит. Лучше не спорить без данных».

Это мне нравилось.

Волосы я больше не собирала каждый день в тугий хвост. Иногда оставляла распущенными, иногда закалывала низко, иногда убирала только перед лабораторией. Очки сменила на тонкую оправу. Появилась косметика, минимальный макияж.

Мне это так шло... я стала красивой не внезапно, просто перестала за это извиняться. И все равно в стрессовые дни покупала кофе с сахаром и шоколад с фундуком.

Телефон на столе мигнул уведомлением.

Я не посмотрела. Потом еще одно. И еще, пока экран не загорелся полностью.

Лера: *Ты видела?*

Я вздохнула, открыла сообщение. Сразу под ним - ссылка, я не хотела нажимать. Мой палец, видимо, жил своей отдельной мерзкой жизнью, ссылка открылась на спортивном портале.

Фото. Артем. Сначала я увидела только форму.

Темно-синяя, красно-белая, номер семь. На спине латиницей:

VORONCOV

Он стоял у борта после игры. Без шлема, волосы мокрые, лицо жесткое, взрослее, чем я помнила. Скулы острее, взгляд тяжелее. На подбородке легкая щетина. Рядом тренер, кто-то из команды, женщина в черном пальто с планшетом в руках.

Подпись:

«Воронцов снова набирает форму после микротравмы плеча. Клуб рассматривает продление контракта на следующий сезон».

Закрела страницу, не потому что стало больно, я уже давно не разваливалась от его фотографий.

Просто внутри появлялась тишина.

Написала Лере:

Я работаю.

Лера: *Это не ответ.*

Я: *Очень даже ответ.*

Лера: *Ты опять притворяешься, что тебя это не цепляет.*

Я: *Меня это уже давно не трогает.*

Лера: *Ты не умеешь врать.*

Я не ответила, Лера знала слишком много и это была ее главная проблема как подруги.

За эти три года она несколько раз пыталась аккуратно выяснить, писали ли мы с Артемом друг другу. Первые месяцы да.

Он отправлял короткое:

Долетел.

Плечо нормально.

Сегодня забил. Хотел, чтобы ты видела.

Я отвечала:

Видела статистику. Поздравляю.

Молодец.

Спокойной ночи.

Потом сообщения стали реже, суше и однажды он написал:

Ты счастлива?

Я смотрела на экран сорок минут, а после ответила:

Я стараюсь.

Он больше не спросил и я больше не ждала.

Ну...

Я научилась не ждать и это уже достижение.

Катя вернулась с кофе, поставила стакан на стол и рядом, с видом преступника, положила шоколадку с фундуком.

— Это не мне, — сказала я.

— Вам.

— Я не просила.

— Вы не просили, но вы сегодня снова будете проверять слайды до ночи, а потом сделаете вид, что не устали и как обычно забудете про еду.

Я посмотрела на нее.

— Когда ты стала такой наглой?

— После трех месяцев работы с вами. Профессиональная деформация.

Хотела сказать, что это недопустимое нарушение субординации, но вместо этого взяла шоколадку.

— Спасибо.

— Вам письмо пришло от организаторов форума. Международного из Торонто.

Рука замерла.

— Из Торонто?

— Да. Я переслала вам.

— Спасибо.

Катя вышла, я открыла почту.

Тема письма:

International Sports Medicine & Recovery Forum — speaker confirmation.

Торонто.

Канада.

Конечно.

Я знала об этом форуме. Он считался одним из самых сильных в спортивной медицине и восстановлении. Там выступали врачи клубов, исследователи, реабилитологи, представители фармацевтических компаний, спортивные функционеры.

Наш проект подали туда еще полгода назад и я, конечно, понимала, что шанс есть, просто почему-то представляла все абстрактно.

«Международный форум».

«Публикация тезисов».

«Возможные партнеры».

Страна, которая когда-то забрала мужчину, которого я любила, а взамен вернула мне способность работать по шестнадцать часов и не задавать себе лишних вопросов.

Я открыла письмо, нас принимали. Мой доклад ставили во второй день, в основной блок.

Тема:

«Inflammatory markers and controlled load strategies in post-traumatic shoulder recovery among professional athletes»

Я перечитала три раза, потом засмеялась.

Тихо, почти беззвучно. Восстановление пост-травматическое для профессиональных спортсменов.

Написала Лере, что видимо мне придется поехать в командировку на форум за границей и попросила приглядеть за квартирой. Телефон быстро завибрировал.

Лера: *Только не говори, что форум в Канаде.*

Я закрыла глаза.

Я: *Торонто.*

Пауза.

Лера: *АХАХАХАХА НЕТ*

Я: *Спасибо за поддержку.*

Лера: *Он там будет?*

— Конечно нет, — сказала я вслух пустому кабинету.

Потом написала:

Не знаю. И это не имеет значения.

Лера ответила почти сразу:

Когда человек пишет не имеет значения, обычно это значит, что имеет размером с хоккейную арену.

Я заблокировала телефон и потом все-таки съела шоколадку.

Глава 3

Торонто встретил меня холодным ветром, стеклянными башнями и ощущением, что город слишком большой, чтобы в нем могло случайно вернуться прошлое.

Это успокаивало.

Я прилетела за день до форума вместе с Михаилом Орловым, руководителем смежной лаборатории и нашим партнером по проекту.

Михаилу было тридцать пять. Он был одним из тех мужчин, рядом с которыми не хочется проверять, где выход.

Спокойный, умный, внимательный. Без лишних прикосновений, давления и этой мужской уверенности «я лучше знаю, чего ты хочешь». Он умел слушать, спорить и не обижаться на данные, если они разбивали его гипотезу.

И еще он смотрел на меня так, будто видел не только специалиста.

Я замечала. Делала вид, что нет, иногда это работало.

— Вы хорошо переносите перелеты? — спросил он, когда мы вышли из аэропорта.

Я затянула пояс пальто.

— Если не думать о том, что тело после восьми часов в кресле превращается в шахматного коня.

Он улыбнулся.

— Машина уже ждет. До отеля минут сорок.

— Отлично. У меня будет сорок минут, чтобы переделать слайды.

— Их не надо переделывать.

— Вы не видели второй график.

— Видел.

— И?

— Он идеален.

Я прищурилась.

— Вы сейчас говорите это как коллега или?

— Как руководитель проекта, который заботится о том, чтобы главный докладчик дожил до начала форума.

Я улыбнулась.

С Михаилом было легко и именно поэтому иногда мне казалось, что я должна была бы захотеть большего.

Лера однажды сказала:

— Он идеальный мужчина для твоей нервной системы.

В отеле я заселилась, повесила костюм, проверила слайды, распаковала косметику, аккуратно разложила документы на столе и решила не думать.

Это у меня плохо получалось.

На столе рядом с папкой лежал бейдж участника:

VERA LANSKAYAResearch CoordinatorPharmaBio Recovery Lab

Я провела пальцем по имени.

Вера Ланская.

Исследователь, докладчик. Мне нравилось как это звучит.

Вечером я спустилась в ресторан отеля, где проходил приветственный прием для участников форума.

Стеклянные стены, вид на ночной город, мягкий свет, люди в костюмах, английская речь, бокалы, визитки, профессиональные улыбки.

Я держала минеральную воду и обсуждала с немецким врачом влияние контролируемых нагрузок на восстановление после повторных травм.

Атмосфера мне была по душе и я почти расслабилась, пока на большом экране в углу не запустили видеоролик форума.

Кадры сменяли друг друга: спортсмены, лаборатории, тренажерные залы, ледовые арены, врачи, датчики, мышцы в замедленной съемке.

И вдруг — он. Всего на две секунды. Артем в форме на льду. Резкий разворот, бросок, номер семь, фамилия на спине.

VORONCOV

Я почувствовала, как тело среагировало раньше головы, сердце дрогнуло, пальцы крепче сжали стакан.

— Вы его знаете? — спросил Михаил рядом.

Я повернулась.

— Кого?

Он посмотрел на экран, где уже показывали другого спортсмена.

— Воронцова. Кажется, вы изменились в лице.

Я могла соврать.

Михаил не знал всей истории. Только общие факты: у меня когда-то были отношения со спортсменом, он уехал, мы расстались.

— Знала.

— Он будет на форуме, — сказал он спустя пару секунд.

Я медленно повернула голову.

— Что?

— В программе. Панель спортсменов после травм. Я видел фамилию в расписании.

Воздух стал плотнее, я поставила стакан на столик.

— Я не смотрела весь список участников.

— Понял.

— Это не проблема.

— Я не говорил, что проблема.

— Хорошо.

— Если вам будет некомфортно, я могу заменить вас на части встреч после доклада.

Я выпрямилась.

— Нет.

— Хорошо.

— Я справлюсь.

— Знаю.

— Пойду наверх, — сказала я. — Нужно отдохнуть перед докладом.

— Конечно. Завтра в девять. Я зайду за вами.

— Спасибо.

В номере я сняла туфли, села на край кровати и впервые за много месяцев открыла поиск. Просто надо было знать, с чем я встречусь.

Artem Voroncov recovery forum Toronto

Результаты появились сразу.

Фото, интервью, короткие видео.

Он стал известнее.

Не звездой мирового масштаба, но в своей лиге, в своей нише — заметным. Защитник с тяжелым восстановлением после операции, который сумел закрепиться, пропустил часть

сезона из-за плеча, вернулся, стал одним из лиц программы по работе с травмированными спортсменами.

Я открыла одно интервью, без звука.

Он сидел в студии, в темной рубашке, с микрофоном у воротника. Говорил спокойно. Улыбался редко, взгляд стал тяжелее.

Не тот веселый парень, а хмурый мужчина.

Мой мозг услужливо исправил:

Не мой.

Я закрыла ноутбук, потом легла в кровать и почти до утра смотрела в потолок.

Утром я выглядела безупречно. Это было мое маленькое профессиональное чудо.

Если внутри тебя шторм, нужно просто сделать ровную стрелку, собрать волосы в низкий пучок, надеть серый брючный костюм, белую шелковую блузу и лодочки на остром каблуке.

Михаил встретил меня в холле.

Оценил взглядом.

— Вы готовы.

Это было не вопросом. Я кивнула.

— Да.

— Хорошо выглядите.

Я чуть улыбнулась.

В конференц-центре было шумно. Регистрация, бейджи, кофе, группы участников, переговоры, камеры. На стендах логотипы медицинских компаний, спортивных программ, клубов. Я держалась за папку с распечатанными тезисами, хотя знала доклад почти наизусть.

Первый блок прошел быстро.

Я слушала канадского хирурга, потом итальянского реабилитолога, потом представителя немецкой лаборатории. Делала заметки. Задавала вопросы. Даже один раз поспорила по методике измерения воспалительных маркеров.

Наука была территорией, где я снова становилась собой.

Просто Вера Ланская, у которой есть данные, аргументы и достаточно вредный характер, чтобы не уступать мужчинам с громкими должностями.

Ведущий объявил меня:

— Our next speaker is Dr. Vera Lanskaya from PharmaBio Recovery Lab...

Доктором меня называли преждевременно, но на таких мероприятиях люди часто путали степени из-за неправильного перевода.

Я поднялась. Взяла кликер. Поставила папку на трибуну.

Зал был большой, но не огромный. Ряды кресел, приглушенный свет, экран за спиной. Лица ученых, врачей, представителей клубов.

Я включила первый слайд.

— Good morning. Today I will present our research on inflammatory markers and controlled load strategies in post-traumatic shoulder recovery among professional athletes...

Поприветствовав всех, я начала говорить о теме выступления. Голос звучал ровно, профессионально.

Даже красиво. Я говорила о данных, выборке, фазах восстановления, рисках преждевременной нагрузки и о том, что спортсмены часто возвращаются к пиковым нагрузкам раньше, чем тканевые маркеры показывают устойчивое восстановление.

На третьем слайде у меня появился график воспалительного ответа после повторной нагрузки на плечевой сустав.

Я щелкнула кликером и подняла глаза в зал.

Сначала увидела только людей, совсем размыто.

Потом мои глаза услужливо нашли его. Артем сидел в четвертом ряду, чуть сбоку. В темном костюме, без галстука. В белой рубашке с расстегнутой верхней пуговицей.

Взрослый, собранный, жесткий. Настолько реальный, что у меня на секунду исчез голос.

Он смотрел прямо на меня.

Я сбилась, совсем чуть-чуть. Пропустила слово, но не больше секунды.

— ...the controlled load protocol demonstrates a significant decrease in repeated inflammatory peaks after week six, compared to standard recovery schedules.

Я продолжила.

Но его взгляд... Будто три года, аэропорт, худи, разлука, новости, молчание - все это на секунду исчезло, и он снова увидел меня в нашей кухне.

Я перевела взгляд на экран, продолжила доклад, голос больше не дрожал, а наоборот стал тверже.

И все равно в каком-то углу сознания я чувствовала его взгляд. Он не мешал, присутствовал как старая боль в кости перед дождем.

Когда я закончила, зал зааплодировал. Мне задали вопросы, сложные. Я отвечала с цифрами, ссылками на протоколы, оговорками по ограничениям исследования.

Один врач из Ванкувера попытался возразить по интерпретации данных. Я вежливо разобрила его аргумент на три части и показала, почему первая спорная, вторая требует уточнения, а третья вообще не относится к нашей выборке.

В зале кто-то тихо засмеялся. Михаил смотрел на меня с гордостью. Артем же иначе, будто увидел женщину, которую не знал.

После вопросов ведущий поблагодарил меня, я спустилась со сцены, ноги не дрожали.

Удивительно.

Михаил встретил меня у прохода.

— Блестяще.

Я улыбнулась.

— Спасибо.

И только тогда позволила себе посмотреть в сторону четвертого ряда, Артем уже стоял, высокий, широкоплечий, непривычно официальный в костюме.

Он не подошел, просто смотрел.

Между нами проходили люди, кто-то поздравлял меня, кто-то протягивал визитки, кто-то задавал уточняющие вопросы.

А я стояла посреди конференц-зала с бейджем на груди и понимала, что вся моя взрослая жизнь только что столкнулась с той частью меня, которую я так аккуратно похоронила.

Он сделал шаг.

Я вдохнула.

Но ведущий уже вернулся к микрофону.

— Thank you, Dr. Lanskaya. After a short break, we will continue with our joint panel on athlete-centered recovery strategies. Our next invited speaker is professional hockey player and recovery program ambassador, Artem Voroncov.

Я услышала его имя. **Артем Воронцов.**

Зал снова зааплодировал, но Артем не смотрел на ведущего, он смотрел на меня.

Глава 4

Ведущий произносил что-то в микрофон, Артем поднялся на сцену. Люди вокруг двигались, собирали планшеты, переговаривались, кто-то подходил ко мне с визитками.

Я отвечала, улыбалась.

Даже сказала что-то умное про необходимость более длинного периода наблюдения после повторных нагрузок, при этом в голове было только одно:

Он здесь. В двадцати метрах.

И я, взрослая, собранная, уверенная Вера Ланская, которая пять минут назад разобрала оппонента на глазах у международной аудитории, вдруг не знала, куда деть руки.

— Вы в порядке? — обеспокоено спросил Михаил.

— Да..

Он чуть прищурился, но не стал спорить.

— После перерыва вторая часть начнется. Вам нужно выпить воды и хотя бы пять минут посидеть.

— Я посижу.

Рядом возникла женщина в строгом синем костюме, представилась координатором форума и попросила меня подойти к технической зоне: нужно было уточнить материалы для совместной второй части.

Я кивнула Михаилу:

— Я быстро.

— Буду ждать у выхода.

— Не надо меня сопровождать как редкий образец.

— Вы сегодня редкий образец.

— Орлов.

— Все, молчу.

Он отошел, я пошла за координатором и почти смогла убедить себя, что Артем не подойдет ко мне.

Здесь конференция, камеры, люди, деловая атмосфера, бейджи, английская речь, расписание, кофе-брейк через восемь минут. Мы взрослые люди. Взрослые люди не бросаются друг к другу посреди конференц-центра только потому, что когда-то спали в одной кровати.

Взрослые люди делают вид, что ничего не произошло.

Особенно если произошло слишком многое.

У технической стойки мне выдали новый кликер для панели, уточнили, и попросили через пятнадцать минут пройти в малый зал для подготовки.

Я вышла в коридор и он был там, не прямо передо мною, чуть сбоку, у стеклянной стены, за которой город отражался в утреннем свете: холодное небо, высотки, машины внизу, мокрый асфальт.

Артем стоял с телефоном в руке, но на экран не смотрел.

Ждал. Меня.

Я поняла это сразу по тому, как он поднял голову, едва я вышла.

Мир снова сузился.

Господи, как же нечестно. Я думала, за три года память стирает воспоминания. Оставляет главное, убирает детали, делает человека немного нечетким, безопасным, почти вымышленным.

Нет. Память врала.

В реальности Артем был сильнее, взрослее.

Не тот мальчишка с наглой улыбкой, в нем появилась тяжесть, сдержанность, усталость, которую не скроешь, широкие плечи стали еще шире, лицо жестче, взгляд тяжелее.

— Привет, Ланская.

— Привет, Воронцов.

И все, обычные слова, формально даже вежливые, но внутри меня что-то треснуло так отчетливо, будто в пустом зале уронили стеклянный бокал.

Он смотрел на меня, я смотрела на него. Три года стояли между нами молча и делали вид, что это не их вина.

— Хороший доклад, — сказал он.

— Спасибо.

— Seriously. Ты... — Он замолчал.

Я подняла бровь.

— Что?

Он едва заметно усмехнулся.

— Разнесла того хирурга.

— Я не разносила, просто уточнила методологическую ошибку.

— Конечно.

— Это разные вещи.

— Угу.

Раньше после такого он бы наклонился ближе, сказал что-нибудь ужасное вроде: «Моя любимая зануда», получил бы от меня взглядом, улыбнулся бы и, возможно, поцеловал в висок.

Теперь он стоял на расстоянии двух шагов, руки в карманах, спина прямая, лицо без эмоций.

И ни один из нас не имел права на привычные жесты.

— Ты хорошо выступила, — повторил он уже тише. — Очень.

— Я работала над темой долго.

— Видно.

— Это комплимент или замечание к количеству слайдов?

Он улыбнулся.

— Комплимент.

— Тогда спасибо.

Мы снова замолчали.

Вокруг нас текла жизнь: участники форума проходили мимо, кто-то говорил по телефону, где-то звенели чашки на кофе-брейке, ассистенты носили папки.

— Как ты? — спросил он.

Я знала, что этот вопрос придет.

Все бывшие когда-нибудь спрашивают «как ты», хотя чаще всего хотят спросить: «Ты страдала?», «Ты вспоминала?», «Ты смогла без меня?», «Я все еще что-то значу?».

Я посмотрела на него.

— Хорошо.

Он кивнул.

— Правда?

— Уже да, — сказала я.

Он застыл, а после что-то изменилось в глазах. В них появилась... Боль?

— Рад, — сказал он.

— Спасибо.

— Ты изменилась.

— Прошло три года.

— Знаю.

Я скрестила руки на груди.

— Ты тоже изменился.

— Старше стал?

— Не только.

— Жестче?

Я не ответила сразу.

Он стал тем, кем должен был стать, если бы уехал и выжил там: профессиональный спортсмен, мужчина с контрактом, дисциплиной, публичностью, травмой, которую нельзя было показывать слишком часто.

— Сдержаннее, — сказала я.

Он усмехнулся.

— Ты слишком вежлива ко мне.

— Я на конференции.

— Значит, потом скажешь честно?

Я подняла глаза.

— Потом?

Пауза.

Его взгляд задержался на моем лице.

— Если будет потом.

Воздух снова стал плотным. Я могла бы сказать: «Не будет», улыбнуться, кивнуть и уйти. Или сделать то, что делала три года: выбрать безопасный выход.

Но почему-то не сказала.

— У тебя вторая часть, — напомнила я.

— У нас.

— Формально да.

— Неформально?

— Я еще не решила.

Он почти рассмеялся.

— Скучал по твоей поддержке.

Я замерла, он сразу понял, что сказал лишнее.

— Вера...

— Не надо.

— Я просто...

— Не здесь.

Он оглянулся.

— Хорошо, — сказал он.

Мой телефон завибрировал в руке, я посмотрела на экран.

Михаил.

Михаил: *Я у выхода в малый зал. Вас ждут организаторы.*

Пока я читала, Артем невольно опустил взгляд на дисплей и в его лице снова что-то изменилось.

Я знала это выражение, ревность.

— Тебя ждут? — спросил он.

— Да.

— Коллега?

— Да.

— Михаил?

Я подняла бровь.

— Ты успел прочитать?

— У тебя экран светится.

— Хорошее оправдание.

Он не улыбнулся.

— Кто он?

— Руководитель смежного проекта, — сказала я.

— Только?

Я посмотрела на него медленно, холодно.

— Ты правда считаешь, что можешь задавать этот вопрос?

— Нет, — сказал он. — Не считаю.

— Тогда зачем?

— Потому что все равно хочу знать.

Я отвернулась к стеклянной стене, за ней город был чужой, холодный, красивый.

— Михаил хороший человек.

— Я не спрашивал, хороший ли он.

— А я ответила только то, что могу сказать.

— Понял.

С прошлым Артемом было проще злиться. Он давал достаточно поводов: наглость, провокации, самоуверенность, идиотские фразы, руки под моим свитером в неподходящие моменты.

С этим Артемом было сложнее, он больше не ломился туда, куда его не звали и от этого я сильнее чувствовала, что дверь, возможно, оставляю закрытой сама.

— Мне нужно идти, — сказала я.

Он поднял взгляд.

— Да.

Я сделала шаг, он не остановил, просто стоял и это оказалось почти невыносимо, я прошла мимо него.

— Вера.

Остановилась.

— Что?

— Я рад, что ты счастлива.

Я закрыла глаза на секунду.

— Уже да, — повторила я.

— Да, — сказал он тихо. — Уже.

Михаил ждал у входа в малый зал, в темно-сером костюме, с планшетом в руке и двумя стаканами кофе. Один протянул мне.

— Без сахара.

— Спасибо.

Он посмотрел мне в лицо.

— Встретились?

Я взяла стакан.

— Да.

— И?

— Мы взрослые люди. Поговорили вежливо.

Михаил чуть склонил голову.

— Звучит ужасно.

Я неожиданно рассмеялась.

— Вы слишком наблюдательны.

— Профессиональный дефект. Я работаю с данными, но иногда с людьми.

— Люди хуже данных.

— Значительно.

Он не задавал лишних вопросов и снова я почувствовала благодарность.

Михаил был спокойным, уважал меня, рядом с ним не нужно было держать оборону, потому что он не нападал и вот именно поэтому я иногда боялась: вдруг нормальная любовь именно такая?

Без гроз, аэропортов, мокрых после игры поцелуев.

Михаил протянул мне бейдж-папку.

— Организаторы хотят короткую синхронизацию. Вы, Воронцов, хирург из Торонто и представитель клуба.

На его фамилии он сделал небольшую паузу.

— Я справлюсь, — сказала я.

— Я знаю.

Мы вошли в малый зал. Там стояло несколько кресел на сцене, за ними экран с названием:

Athlete-Centered Recovery: Science, Risk and Return to Performance

Спортивная медицина.

Риски.

Возвращение к нагрузкам.

прекрасно.

Особенно если учитывать, что один из главных рисков моей жизни сейчас должен был сесть в кресло через два места от меня.

Координатор подвела меня к сцене, дала краткий план вопросов, попросила говорить чуть медленнее для перевода и уточнила, не против ли я, если часть вопросов из зала будет касаться личного опыта спортсменов.

— Я не спортсмен, — сказала я.

— Конечно. Это к мистеру Воронцову.

Мистер Воронцов.

Я едва не фыркнула.

Теперь он был мистер Воронцов. Жизнь была отвратительно талантливой сатирой.

Артем вошел через боковую дверь через несколько минут.

С ним была та самая женщина с фото: высокая, темноволосая, в черном брючном костюме, с планшетом и гарнитурой. Она говорила с ним по-английски быстро, профессионально, иногда показывала что-то в расписании.

Он слушал, кивал, отвечал коротко. Не улыбался.

Женщина коснулась его локтя, привлекая внимание к пункту в планшете.

Совсем обычный жест, рабочий, ничего личного. Я почему-то слишком внимательно посмотрела на ее пальцы, потом заставила себя отвернуться.

Михаил, который стоял рядом, заметил.

— Его команда? — спросил он тихо.

— Похоже.

— Вы хотите выйти на минуту?

— Нет.

Он не стал спорить. Артем поднял глаза, увидел меня рядом с Михаилом.

Думаю он заметил, что Михаил стоит чуть ближе, чем просто случайный коллега.

Женщина рядом с ним что-то сказала, он ответил, но взгляд все равно вернулся ко мне.

— Вера, — сказала координатор, — через три минуты начинаем.

— Да.

Я поднялась на сцену, села во второе кресло слева, проверила микрофон, поставила кофе на пол рядом, потому что руки должны быть свободны.

Через минуту Артем поднялся тоже, прошел по сцене и сел через одно кресло от меня.

Между нами хирург из Торонто, пожилой мужчина с добрым лицом и абсолютно счастливым неведением, что находится между двумя огнями.

Артем повернул голову.

— Доктор Ланская, — сказал он тихо.

Я посмотрела на него.

— Мистер Воронцов.

Уголок его губ дрогнул, он наклонился чуть ближе, ровно настолько, чтобы слышала только я.

— Ты была великолепна.

— Ты уже говорил.

— Мало.

Сердце ударило сильнее, вспомнив старый ритм.

Я посмотрела вперед.

— Конференция начинается.

— Знаю.

— Веди себя профессионально.

— Стараюсь.

И тут загорелся свет, ведущий вышел на сцену, зал наполнился людьми, камеры включились.

Мы выпрямились одновременно.

Глава 5

Конференция прошла почти идеально.

Почти, потому что Артем Воронцов сидел через одно кресло от меня и говорил о травме плеча, вызывая во мне бурю из воспоминаний.

Ведущий спросил:

— Что было для вас самым сложным этапом восстановления?

Артем на секунду задумался.

— Не боль, — сказал он. — Боль это просто, потому что ты знаешь, где она и что с ней делать. Самое сложное - это неопределенность.

Я перестала дышать.

Он продолжил:

— Ты не знаешь, вернешься ли в спорт, подведет ли тебя снова твоё же тело. Ты не знаешь, кто ты, если не можешь делать то, что определяло тебя большую часть жизни.

Зал слушал внимательно.

— И что вам помогло в такой тяжелой ситуации? — спросил ведущий.

Артем чуть повернул голову в мою сторону.

— Один человек однажды сказал мне не быть идиотом.

В зале засмеялись.

Я опустила взгляд. Господи.

— Видимо он был очень мудрым человеком, — сказал хирург.

Артем улыбнулся.

— Да, это правда. Мудрым и строгим.

Я уставилась на свои заметки, буквы расплылись перед глазами. Потом вопрос задали мне: о том, как научные протоколы могут учитывать психологическое сопротивление спортсменов снижению нагрузки.

Я ответила собранно, жестко и с примерами, при этом ни разу не посмотрела на Артема.

До конца конференции я держалась.

Когда ведущий благодарил участников, зал аплодировал снова. Люди подходили, жали руки, задавали вопросы. Артем оказался в окружении журналистов почти сразу. Его темно-волосая помощница или менеджер стояла рядом, отсекая лишних.

Я спустилась со сцены, взяла папку и хотела уйти через боковой проход.

— Вера, — окликнул Михаил.

Он стоял у прохода с двумя людьми в костюмах.

— Инвесторы из BaselMed хотят познакомиться. У них сегодня ужин с научной группой.

Они приглашают нас присоединиться.

Я кивнула.

— Конечно.

— Через час. Я заеду за вами в отель?

— Да.

Он подошел ближе и очень легко, почти невесомо положил ладонь мне на спину, направляя к собеседникам, жест был уважительный, короткий.

Но я почувствовала чужой взгляд.

Его.

Артем стоял в нескольких метрах, журналисты ушли, женщина с планшетом что-то говорила ему, но он не обращал на нее внимания.

Он смотрел на руку Михаила у меня на спине, потом на мое лицо.

И впервые за всю встречу я увидела в нем не контроль, а страх. Он ничего не мог сказать, не мог подойти, убрать чужую руку, заявить права, закрыть меня собой.

Права давно закончились и он это понял.

Михаил убрал руку почти сразу, но было поздно, Артем уже увидел достаточно.

Увидела, как мужчина, который когда-то был уверен, что может ворваться в любую ситуацию и забрать меня за талию, теперь стоит в конференц-зале и понимает: рядом со мной есть другой.

Тот, кто может быть рядом в аэропортах, на конференциях, после тяжелых дней, в обычной жизни, где Артема не было три года.

— Вера? — мягко позвал Михаил.

Я заставила себя отвернуться от Артема.

— Да. Идем.

Мы подошли к инвесторам, я улыбнулась, представилась.

Снова стала В. А. Ланской, координатором исследовательской группы, человеком с данными, планом и уверенной речью и все это время кожей чувствовала, что Артем смотрит.

Когда встреча закончилась, Михаил предложил:

— У вас есть час до ужина. Я провожу до машины?

— Не нужно. Я хочу немного пройтись пешком.

— Вы уверены?

— Да.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Хорошо. Тогда увидимся через час.

— Спасибо.

Он ушел, я осталась в коридоре с Артемом. Он стоял у стеклянной стены и смотрел на город.

Я могла уйти, должна была, но ноги почему-то понесли меня к нему.

— Он хороший, — сказал он.

Я остановилась.

— Михаил?

— Да.

— Хороший.

Артем кивнул.

— Это видно.

— И что?

Он повернулся ко мне, лицо спокойное.

— Ничего.

— Не похоже на ничего.

— Я не имею права спрашивать.

— Но хочешь.

— Да.

Мы смотрели друг на друга.

— Он был рядом, — сказала я.

Не знаю зачем. Артем чуть побледнел.

— Когда?

— Когда мне было трудно.

— Из-за меня?

Я усмехнулась.

— Не все в моей жизни из-за тебя, Воронцов.

— Вы вместе? — спросил он.

— Нет.

Его плечи едва заметно опустились, облегчение, которое он попытался скрыть.

— Но могло быть, — добавила я.

— Могло?

— Да.

— А почему не стало?

Я смотрела на него, на мужчину, которого любила так сильно, что отпустила.

— Потому что иногда рядом хороший человек, — сказала я медленно, — но сердце не хочет.

Артем замер, я сразу пожалела о том, что сказала.

— Мне нужно идти, — быстро бросила я и развернулась.

— Вера.

Остановилась.

— Что?

Он долго молчал, словно перебирал слова и наконец ответил:

— Я не был счастлив.

— Это ничего не меняет сейчас, — сказала я.

— Знаю.

— Тогда зачем говоришь?

— Потому что ты сказала «уже да». И я хочу, чтобы ты знала: у меня так и не стало «да».

Я закрыла глаза.

— Это нечестно, — сказала я.

— Да.

— Не надо больше говорить об этом, Воронцов.

— Хорошо.

Я пошла к выходу, не оборачиваясь, но знала: он остался стоять у стеклянной стены и смотреть, как я ухожу.

Глава 6

На ужин с инвесторами я опоздала на четыре минуты, несмотря на то, что собралась быстро: черное платье-футляр чуть ниже колена, жакет, тонкая цепочка на шее, волосы распущены мягкой волной, помада спокойного оттенка, туфли, в которых можно выглядеть уверенно и при этом не умереть к концу вечера.

Опоздала я потому, что десять минут стояла перед зеркалом и пыталась понять, зачем мне вообще нужно выглядеть красиво.

Для инвесторов?

Конечно.

Для международного форума?

Разумеется.

Для деловой репутации?

Да, Вера, обязательно.

Для мужчины, который три года назад ушел за линию контроля с твоим худи в руках?

Нет.

Нет.

Нет.

Я наклонилась к зеркалу, поправила серьгу и строго сказала своему отражению:

— Ты взрослая женщина. У тебя встреча. Веди себя нормально.

Отражение посмотрело на меня с видом: **«Мы обе знаем, что ты врешь»**.

Телефон завибрировал.

Михаил: *Я внизу. Не торопитесь. Но если вы сейчас переделываете слайды, я поднимаюсь и конфискую ноутбук.*

Я улыбнулась, взяла клатч, выдохнула и вышла.

В лифте пахло дорогими духами, металлом, на зеркальной стене отражалась женщина, которую я иногда все еще не узнавала сразу.

Красивая, собранная и почти спокойная.

В холле Михаил ждал у стойки ресепшен. Темный костюм, белая рубашка, пальто на руке. Увидев меня, он на секунду замер, но быстро вернул лицу обычное спокойствие.

— Вы отлично выглядите, — сказал он.

— Значит, я не зря нарядилась.

Он улыбнулся.

— Машина ждет.

Я пошла рядом с ним к выходу и старалась не думать, что где-то в этом же городе Артем тоже сейчас собирается на этот ужин.

Хотя почему «где-то»? Скорее всего, в отеле форума.

В нескольких этажах от меня, возможно, надевает рубашку, или разговаривает с агентом.

А может, рядом с ним та темноволосая женщина из канадской команды, которая знает его расписание, тренировки, врачей и то, как правильно фиксировать его болезненное плечо после нагрузки.

Эмма. Я услышала, ее имя, когда Артем обратился к ней с вопросом. Хоть мне и не хотелось этого признавать, но я жалела, что на конференции было слишком шумно и я не смогла услышать о чем они говорят.

— Вера? — позвал Михаил.

Я моргнула.

— Да?

— Вы снова ушли в мысли.

Я посмотрела на него, Михаил не задавал прямых вопросов, но я увидела в его взгляде заинтересованность, будто он хотел знать, о чем я в этот момент думала.

Отвернулась к окну машины.

Город скользил мимо огнями, мокрыми улицами, стеклянными фасадами. Торонто был красивым. Холодным, уверенным и чужим.

Таким же, каким стал Артем.

Ужин проходил в ресторане на верхнем этаже отеля рядом с конференц-центром. Стеклянные стены, вид на ночной город, мягкий свет, белые скатерти, тонкие бокалы.

Нас встретила координатор форума, представила инвесторам BaselMed, затем подвела к длинному столу.

Мое место оказалось почти напротив Артема.

Не нужно было поворачивать голову, достаточно поднять глаза.

Он уже сидел там.

В темной рубашке, пиджак снят и перекинут на спинку стула, рукава чуть закатаны. Волосы немного влажные, будто он только что принял душ после тренировки. На запястье часы.

Слишком все аккуратное.

Рядом с ним сидел мужчина лет сорока пяти, видимо агент. С другой стороны - Эмма.

Темноволосая, тонкая, в черном костюме без лишних деталей. На вид около тридцати пяти. Красивая не кричащей красотой, а той, от которой становится понятно: человек знает себе цену и не нуждается в доказательствах.

Она говорила с Артемом по-английски вполголоса, показывая что-то в телефоне. Он слушал, чуть наклонившись к ней, отвечал коротко, иногда кивал. Она коснулась его локтя, легко, быстро, чем вызвала во мне нервный тик.

— Вера, ваше место здесь, — сказал Михаил, отодвигая для меня стул.

— Спасибо.

Я села, Артем поднял глаза. Наши взгляды встретились над белой скатертью, бокалами и чужими именами. Он посмотрел на меня, а после на платье, волосы, увидел цепочку у ключицы, потом снова поднял взгляд.

Никакой улыбки, только что-то тяжелое, темное и очень холодное в его взгляде.

— Доктор Ланская, — произнес он.

Черт бы побрал этого мистера Воронцова.

— Мистер Воронцов, — ответила я.

Михаил сел рядом со мной и едва слышно сказал:

— У вас с мистером Воронцовым интересная дипломатия.

— Мы культурные люди.

Ужин начался с вежливых разговоров.

BaselMed интересовались коммерциализацией нашей методики, возможностью расширенной выборки, доступом к спортивным клубам, прогнозной моделью восстановления после повторных нагрузок. Я говорила спокойно, уверенно, профессионально. Михаил дополнял, где нужно, мягко переводил разговор от абстрактного интереса к конкретным условиям.

Это было привычно, работа спасала. Всегда.

Она превращала хаос в пункты, страх - в таблицу, боль - в исследовательский вопрос.

Но напротив сидел Артем и иногда я ловила куски чужого разговора.

Они говорили про его плечо после перелета, а я только теперь поняла, что он прилетел, выступал, сидел весь день на мероприятиях, а плечо наверняка ныло с самого утра. Старая травма давала о себе знать до сих пор.

Теперь о нем заботилась другая женщина. И от этой мысли мне стало тошно.

Эмма что-то добавила тише, и Артем коротко кивнул.

— Вам не нравится закуска? — спросил Михаил.

Опустила взгляд, закуска была совершенно не тронута.

— Нравится.

— Вы держите вилку как оружие.

— Это профессиональное.

Я посмотрела на него и неожиданно улыбнулась, он наклонился чуть ближе, чтобы меня лучше слышать через шум за столом.

— Если вам тяжело, мы можем уйти после основной части.

— Нет.

— Вера.

— Я не хочу сбегать.

Хотела что-то добавить, но почувствовала взгляд. Подняла глаза, Артем смотрел на нас. На то, как Михаил наклонился ко мне и как я улыбалась.

На спокойную привычность между нами. Просто близость людей, которые работают вместе, доверяют друг другу и знают, когда один из них сейчас держится на чистой силе воли.

Артем видел это и его лицо не изменилось. Вообще. Раньше он бы выдал себя сразу.

Шуткой, жестом, взглядом, от которого у любого мужчины рядом со мной возникало желание вспомнить неотложные дела в другом здании.

Теперь он только взял бокал с водой и сделал глоток.

Потом отвернулся к агенту.

— Кажется, мистер Воронцов не любит BaselMed, — тихо сказал Михаил.

— С чего вы взяли?

— Он посмотрел на меня так, будто я нарушил протокол.

— У вас богатая фантазия. Нам нужно обсудить третий этап проекта, — сказала я.

Ужин продолжался, кто-то спросил Артема о его восстановлении.

Он отвечал спокойно, почти сухо.

— Самая сложная часть была не операция, было сложнее дожидаться выхода на лёд. Спортсменам тяжело дается ожидание.

— Вы вернулись быстрее, чем мы ожидали, — заметил представитель клуба.

Эмма сразу вмешалась:

— Главное, чтобы состояние было под контролем. После операции нужно беречь себя.

Артем повернул к ней голову.

— Да, доктор.

Она слегка улыбнулась, засмущавшись.

— Я не твой доктор.

У них был свой ритм, может и не романтический, но привычный, легкий, сформированный годами, в которых меня не было. Я вдруг ясно увидела эту его жизнь: раздевалки, тренировки, врачи, агенты, команда. Боли, о которых он, возможно, говорил не мне, победы, после которых рядом стояли другие люди.

Я не узнавала его.

В моих воспоминаниях остался двадцатичетырехлетний Артем, который смеялся за стеной, варил пельмени и... которого я до ужаса любила.

А этого мужчину напротив знали они. Эмма... И почему-то именно это оказалось самым болезненным за вечер. Не то, что он мог быть с кем-то после меня, а то, что он жил без меня.

Не застыл, не остался в аэропорту с худи в руках.

Жил.

Как и я.

И от этого наша любовь не становилась меньше - только беспомощнее.

— Вера, — сказал один из инвесторов, — Михаил упоминал, что ваша команда рассматривает расширение исследования на игроков после повторных травм. Вы готовы работать с действующими клубами?

Я вернулась в реальность.

— Да, при соблюдении медицинских протоколов и независимого контроля данных. Нам важно не подстраиваться под спортивный результат, а отслеживать реальные показатели восстановления.

— То есть вы бы не допустили раннего возвращения игрока только ради сезона?

Я не смотрела на Артема. Правда. Очень старалась не замечать его.

— Нет, — сказала я. — Спортсмены часто считают боль управляемым фактором. Наша задача напоминать, что тканям все равно, насколько сильно человек хочет победить.

За столом кто-то усмехнулся.

Артем молчал, но я кожей почувствовала его взгляд. Михаил чуть наклонился ко мне и тихо сказал:

— Отличная формулировка.

Я улыбнулась ему автоматически и снова увидела, как Артем это заметил.

Господи.

Этот ужин был похож на научный эксперимент по измерению болевого порога бывших влюбленных в условиях высокой социальной вежливости.

Результат: оба пациента сохраняют функциональность, но внутренне нестабильны.

К десерту я уже морально устала.

Я устала не смотреть на его руки, не слушать его голос, не замечать, как Эмма напоминает ему:

— Завтра в десять тридцать. Не опаздывайт.

А он отвечает:

— Я никогда не опаздываю.

И она смеется:

— Ты всегда опаздываешь, когда не хочешь, чтобы тебя обследовали.

Я устала от того, что Михаил рядом был хорошим, от того, что Артем напротив был чужим и родным одновременно.

И что я взрослая, а хочется просто выйти в коридор, закрыть глаза и сказать: «Я больше так не могу», но взрослые женщины не выходят из деловых ужинов из-за разбитого сердца трехлетней давности.

Они обсуждают финансирование.

Я обсудила и очень успешно. BaselMed попросили прислать расширенное предложение, Михаил был доволен.

В целом ужин можно было считать удачным, если не учитывать, что где-то между первым блюдом и десертом я поняла: я не разлюбила его.

Я просто научилась не умирать каждый раз, когда вспоминала, разница, как выяснилось, огромная и очень неприятная.

После ужина все начали расходиться группами.

Кто-то вызвал машины, кто-то остался у бара, кто-то обменивался контактами в холле ресторана. Михаил разговаривал с инвестором о следующей встрече, Эмма что-то уточняла у агента Артема, сам Артем исчез из моего поля зрения.

Я почти выдохнула.

— Вера, — сказал Михаил, подходя ко мне. — Я могу проводить вас до отеля.

— Не нужно. Я хочу пройтись немного.

Он посмотрел на стеклянные двери, за которыми виднелся ночной город.

— На улице холодный ветер.

— Мне полезно.

— Ветер?

— Немножко побыть одной.

Он чуть улыбнулся.

— Вы уверены?

— Да.

— Хорошо. Тогда напишите, когда будете в номере.

— Михаил.

— Это не контроль, а простая забота.

Я смягчилась.

— Напишу.

Он кивнул.

И на секунду положил ладонь мне на спину.

— Вы сегодня хорошо держались, — сказал он.

Я посмотрела на него.

— Спасибо, что не спрашиваете.

— Когда захотите - сами скажете.

Вот за это его можно было полюбить. Наверное. Кому-то.

Может быть, даже мне, если бы во мне не было так много человека, который сейчас стоял где-то рядом и молчал. Михаил ушел к лифтам.

Я направилась к выходу. В холле ресторана было тише, чем в зале. Мягкий свет, темное дерево, стеклянные двери, охранник у стойки. За окном ночной город и влажный блеск асфальта.

— Он твой мужчина?

Я остановилась, Артем стоял у стены рядом с выходом. Без пиджака, рукава рубашки закатаны, лицо спокойное. Я медленно повернулась к нему.

— Ты правда считаешь, что имеешь право спрашивать?

Он посмотрел прямо.

— Нет. Но спрашиваю и хочу знать.

Я могла бы уйти или сказать: «Это не твоё дело», а может - сделать вид, что не услышала. Но, видимо, весь вечер выжиг во мне запас дипломатии.

— Тогда нет, — сказала я. — Мы не встречаемся.

Он не выдохнул, но я увидела, как в нём что-то чуть отпустило.

— Но могли бы? — спросил он.

— Да, — сказала я.

— Понятно.

— Нет, тебе не понятно.

— Тогда объясни.

— Зачем?

— Потому что я весь вечер сидел и смотрел, как он наклоняется к тебе, как ты улыбаешься ему. Он знает тебя, был рядом. А я уже ничего не знаю о твоей жизни.

— Ты сам выбрал не знать.

Он резко поднял глаза.

— Неправда.

— Правда.

— Я писал.

— Иногда.

— Ты отвечала так, будто я нарушаю твоё расписание.

— Потому что если бы я отвечала иначе, я бы не выдержала.

Он замолчал.

В холле кто-то прошел мимо, засмеялся у лифта, двери ресторана открылись и снова закрылись. Мы оба тут же чуть отступили друг от друга.

— Ты не ждала, — сказал Артем.

— А ты хотел, чтобы ждала?

Он молчал, слишком долго.

Я кивнула.

— Вот именно.

— Вера.

— Нет, скажи. Хотел? Чтобы я три года сидела у окна, считала разницу во времени, обнимала твое худи, отказывала хорошим мужчинам, потому что когда-то любила хоккеиста, который выбрал Канаду?

Он сжал челюсть.

— Я не выбирал Канаду вместо тебя.

— А что ты выбрал?

— Жизнь, которую тогда не мог не выбрать.

— Вот. А я выбрала жизнь, в которой не жду мужчину, который не просил ждать.

Он сделал шаг ко мне, не слишком близко, но достаточно, чтобы воздух снова стал горячее.

— Ты думаешь, мне легко было?

— Нет.

— Тогда почему говоришь так, будто я просто улетел и зажил прекрасно?

— А разве нет?

Он посмотрел на меня.

Взрослый, жесткий, уставший.

— Нет.

— У тебя карьера, — сказала я.

— Да.

— Контракт.

— Да.

— Команда.

— Да.

— Люди, которые знают твое расписание лучше меня.

Он чуть прищурился, понял о ком я говорю.

— Эмма?

Я отвернулась.

— Неважно.

— Важно, раз ты сказала.

— Она знает, когда у тебя тренировка, когда обследование, помогает тебе и всегда рядом.

— Вера... Она просто координатор медицинской программы.

— Я поняла.

— Вера.

— Я поняла, Артем.

— Между нами ничего нет.

— Я не спрашивала.

— Но я вижу, что ты хотела это знать.

— Она была рядом, — сказала я.

— Да.

— Когда я не была.

Он не ответил сразу.

— Да.

Эмма была рядом с ним, а со мной был Михаил, мы оба жили эти три года, но это оказалось почти предательством, хотя никто никому не изменял.

— Видишь? — сказала я. — Мы оба не ждали.

— Неправда.

— Артем.

— Я не был с ней. И ни с кем так, как ты сейчас думаешь.

— Ты не знаешь, что я думаю.

— Знаю.

Он подошел еще на полшага.

— Ты думаешь, что у меня была новая жизнь, женщина, кухня, привычки. Что ты была старой историей из родного города, которую я вспоминал иногда между матчами.

Я молчала.

— А правда в чем? — спросила я.

Он смотрел прямо.

— Правда в том, что я жил. Да. Тренировался, играл, восстанавливался, срывался, снова собирался. У меня были люди рядом. Врачи. Команда. Эмма. Агент. Друзья. Но дома у меня не было.

Я сжала пальцы на ремешке клатча.

— Не говори так.

— Почему?

— Потому что это ничего не меняет.

— Знаю.

— Тогда зачем?

Он усмехнулся.

— Опять этот вопрос.

— Потому что ты опять делаешь мне больно правдой, с которой непонятно что делать.

— А ты думаешь, мне понятно?

Мы стояли в холле, в нескольких метрах от лифта, под мягким дорогим светом, в окружении чужих людей, и говорили почти шепотом.

— Ты не ждала, — повторил он.

На этот раз тише.

— Ждала, — сказала я.

Он замер.

Я посмотрела ему в глаза.

— Первые месяцы ждала каждый день. Потом через день, а дальше... по выходным. Потом только когда видела твое имя в новостях или покупала шоколад с фундуком. А после научилась не называть это ожиданием.

— Вера...

— Но если ты спрашиваешь, ждала ли я так, чтобы отменить свою жизнь - нет.

— Я не хотел этого.

— А чего хотел?

И вот тут я увидела не мистера Воронцова, профессионального спортсмена, взрослого мужчину, который научился держать лицо.

А моего Артема.

Того, который однажды в больничной палате сказал: «Я больше не хочу решать так, будто тебя нет».

— Я хотел, чтобы ты была счастлива, — сказал он. — И ненавидел каждую мысль, что ты можешь быть счастлива без меня.

— Это не очень благородно.

— Я стал хуже за три года.

— Нет.

Он посмотрел внимательно.

— Нет?

— Просто мы изменились.

Тишина. Его рука чуть дернулась, будто он хотел коснуться меня, но он не коснулся, потому что уже не имел права.

Двери лифта открылись.

Из него вышла пара участников форума. Мы оба автоматически отодвинулись друг от друга, как будто нас застали за чем-то неприличным.

— Мне нужно идти, — сказала я.

— К Михаилу?

Я вскинула взгляд, Артем сразу понял, что сказал лишнее.

— Прости.

— Не извиняйся, если все равно спрашиваешь.

— Хорошо. Не буду.

— Я иду в отель. Одна.

Он кивнул.

— Я провожу.

— Нет.

— Вера.

— Нет, Артем.

Он остановился, сжал губы, я медленно пошла к выходу.

— Завтра у меня тренировка, — сказал он мне вслед.

Я остановилась у стеклянной двери.

— И?

— Приди.

Медленно повернулась. Он стоял в полутени холла. Рубашка, закатанные рукава, усталое лицо и что-то почти мальчишеское в глазах, которое он не успел спрятать.

— Я больше не хожу на твои матчи, Воронцов.

Он посмотрел прямо.

— Я не про матч.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.